

Ф. С. Корандей

РЕПРЕЗЕНТАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА ПОЗДНЕСОВЕТСКОГО БУСТЕРИЗМА: УРАЛ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ*

doi: 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-115-124

УДК 911.3:94(470.5+571.1)

ББК 63.3(235.55+253.3)+63.014

В статье на материале корпусов советской поэзии, посвященной Уралу и Западной Сибири, исследуется репрезентационная инфраструктура советского проекта. Метод исследования географических репрезентаций советской экспансии 1950–1970-х гг. опирается на идеи «инфраструктурного поворота» в социальных науках и литературоведческую методику «дальнего чтения». По нашему мнению, цели позднесоветского репрезентационного проекта нельзя свести к прямой агитации или мобилизации. Он представлял собой разновидность современного бустеризма — экспансионистской идеологии, характерной для ситуации форсированного создания новых территориальностей и нацеленной на формирование патриотических идентичностей в новых узлах расселения. Позднесоветское географическое стихотворение было одним из вариантов продукции репрезентационной инфраструктуры, реализацией ключевой для нее категории «прославления», функционировавшей в пространстве консолидирующей риторики и порождавшей фигуру поэта-ритора, который отождествлялся с посвященными тому или иному инфраструктурному проекту стихотворениями. Прежде всего советский бустеризм предполагал репрезентацию промышленных проектов в ситуативном административно-общественном контексте, одновременно продуцируя не прямые инфраструктурные эффекты, важные для формирования городской «нормальности», субъективности и идентичностей. В статье намечены этапы складывания советской репрезентационной инфраструктуры, стандартные формы ее функционирования в позднесоветский период, описана историческая география этой сети на Урале и в Западной Сибири, предполагавшая разные формы работы узловых центров с проектами, для репрезентации которых она создавалась.

Ключевые слова: освоение восточных районов, поэтика инфраструктуры, репрезентации пространства, бустеризм, советская географическая поэзия

Модели описания пространственной экспансии советского проекта, выражавшейся в политике размещения хозяйства и населения на территориях, удаленных от исторического центра расселения, можно разделить на несколько типов. Во-первых, нужно упомянуть те, что оперируют концептами, восходящими к колониальной теории XVIII–XIX вв. (например, теорию «внутренней колонизации», представители которой изучают историческую антропологию различий сообществ экспансии, при этом подчеркивая преимущество процессов имперского и советского периодов).¹

¹ См.: Там, внутри: практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012; Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013.

*Корандей Федор Сергеевич — к.и.н., с.н.с. лаборатории исторической географии и регионалистики, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
E-mail: f.s.korandej@utmn.ru*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-78-10010 «Ведомственность как фактор в истории освоения Российского Севера (1930–1980-е гг.): регионализм, конфликты интересов, институциональные структуры и идентификационные стратегии» (рук. И. Н. Стась)

Во-вторых, важное значение имеют те, целью которых является обновление инструментария исследований за счет достижений других историографий (так, знаковой для постсоветской историографии исследований Сибири стала проблематика фронта, позволяющая поместить процесс советской экспансии в релевантный сравнительный контекст и разрабатывать конструктивистские аспекты формирования новых сообществ).² В-третьих, представляются весьма продуктивными те, что исходят из необходимости осмысления риторик и практик, присущих советской экспансии, в ее собственных терминах (замечателен исторический

² Начало дискуссии положили статьи Н. Ю. Замятиной и Д. Я. Резуна: Замятина Н. Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность*. 1998. № 5. С. 75–89; Резун Д. Я. О некоторых моментах осмысления значения фронта Сибири и Америки в современной отечественной историографии // *Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное*. Новосибирск, 2001. Вып. 1. С. 29–54. См. также: Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005; Хромых А. С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI — первой четверти XVII века в свете теории фронта: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008; Побережников И. В. Фронтальная модернизация на востоке Российской Империи: региональные вариации // *Урал. ист. вестн.* 2018. № 4 (61). С. 72–80.

аспект работ Н. Ю. Замятиной и А. Н. Пилясова, в которых рассматривается ключевой советский концепт «освоения»³. В данной работе мы бы хотели наметить синтетический подход, учитывающий достижения вышеперечисленных, но вводящий понятие инфраструктуры.

Одним из следствий «инфраструктурного поворота» в социальных науках стало понимание инфраструктуры как социального феномена, не сводимого к технологической прагматике, но выступающего в качестве медиа, включающего локальные сообщества в модернность, порождающего социальные ожидания («обещание инфраструктуры») и социальные эффекты, далекие от прямой технической задачи, для достижения которой строилась дорога, канал или трубопровод («поэтика инфраструктуры»)⁴. В отличие от концепта модернизации как таковой, концепт инфраструктуры, оперирующий понятиями сетей и связей, позволяет показать многообразие географических форм, масштабов и регионов экспансии, пространственную гетерогенность этого процесса. Фактически в основе центральной для советского проекта политики планового развития лежала идея систематической «инфраструктуризации» пространства страны, находившейся в состоянии конкуренции с успешно прошедшими этот этап странами Запада.

Настоящая работа — опыт приложения упомянутых выше концептов к исследованию репрезентационной инфраструктуры, о которой, как о базовой индустрии производства пространства в капиталистической экономике, писал А. Лефевр.⁵ Обладавшая разветвленной пространственной сетью репрезентационная инфраструктура стала инструментом советской индустрии в период, когда последняя испытывала необходимость во вне рыночных средствах мобилизации рабочей силы, как правило, сопровождала инфраструктурные проекты на начальных этапах становления, и поэтому представляет собой важный индикатор пространственной динамики советского проекта, позволяющий исследовать

дискурсы и практики распространения инфраструктуры, а также социальные эффекты, ей продуцировавшиеся.

Еще одним рабочим концептом исследования служит понятие бустеризма как ведущей экспансионистской идеологии, оформляющейся в ситуации форсированного создания современных территориальностей на базе инфраструктурных проектов, как правило, в атмосфере явной или скрытой конкуренции и предполагающей формирование патриотических идентичностей на основе создающихся (или переосмысляющихся в качестве таковых) новых локальностей. Пионерами исследований бустеризма были американские историко-географы, но это понятие представляется релевантным и для описания экспансии советского проекта.⁶ Характерный образ страны, очевидный при обращении к продукции массмедиа любого из периодов советской экспансии, иерархия социалистическихстроек, устойчивые географические клише, развитые пространственные идентичности, наконец, практики, следовавшие за этими дискурсами, были порождением репрезентационной инфраструктуры, вооруженной идеологией бустеризма. В этой статье на примере кейсов, относящихся к репрезентационной инфраструктуре Урала и Сибири позднесоветского периода, мы рассмотрим несколько аспектов данной проблемы: способы исследования инфраструктуры репрезентаций, формы ее функционирования, историческую географию и общие системные эффекты, ей продуцировавшиеся.

Как исследовать инфраструктуру репрезентаций?

Нашим главным источником является корпус⁷ произведений массовой культуры, создававшихся в целях репрезентации инфраструктурных проектов и функционировавших в перформативном контексте позднесоветской культуры. Типов таких произведений было

³ См.: Замятина Н. Ю., Пилясов А. Н. Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 5–27.

⁴ См.: Larkin B. The Politics and Poetics of Infrastructure // Annual Review of Anthropology. 2013. Vol. 42. P. 327–343; The Promise of Infrastructure. Durham, NC; London, 2018; Collier S. J. Post-Soviet Social. Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. Princeton, NJ, 2011.

⁵ См.: Лефевр А. Производство пространства / пер. И. Стаф. М., 2015.

⁶ См.: Cronon W. Nature's Metropolis: Chicago and the Great West. New York, 1991. P. 31–54; Hamer D. New Towns in the New World: Images and Perceptions of the Nineteenth-Century Urban Frontier. New York, 1990; Meinig D. The Shaping of America: A Geographical Perspective on 500 Years of History, 1998. Vol. 3: Transcontinental America, 1850–1915; Walker R. H. The Poet and the Gilded Age: Social Themes in Late Nineteenth-Century American Verse. University of Pennsylvania Press, 1963; Ward S. W. Selling Places: The marketing and promotion of towns and cities, 1850–2000. London, 1998.

⁷ Термин, заимствованный из лингвистики, обозначает собрание текстов, по возможности релевантные общему совокупному объему этой продукции.

много, но в данном случае хотелось бы обратиться к географическому стихотворению — продукции профессиональных литераторов, включенных в разветвленную инфраструктуру, создававшую дискурсы и практики, нацеленные на достижение бустерского эффекта на территориях экспансии.

Понятие бустерского эффекта вводится для исследования географического послания советской агитационной и пропагандистской продукции. Специально отметим имплицитность этого послания, «зашифрованного» во множество официальных советских поэтических произведений, многие из которых, на первый взгляд, не носили специального географического характера. Географический характер советской поэзии становится очевидным при комплексном чтении больших корпусов этих памятников и соотнесении географического и топонимического содержания стихотворений с биографиями их создателей. Выполняя инструментальные задачи информирования и мобилизации рабочей силы, равно как и задачу ситуативной репрезентации инфраструктурного проекта в политическом контексте, советский агитпроп порождал продолжительный репрезентационный эффект, с одной стороны, оформляя предназначенную для широкой аудитории картину географии родины, с другой — формируя среди нового населения восточных районов комплекс отношений привязанности к новому месту, в конечном счете выходящий за пределы официальной сферы, соединявшийся с повседневным опытом и превращавшийся в эмоциональную основу для локального патриотизма. Субъективность советского массового человека формировалась категориями идеологического дискурса: чтобы полноценно говорить по-большевистски (выражение С. Коткина), нужно было усвоить и особую географию.

Данное исследование географической поэзии, которая рассматривается одновременно и как инструмент, и как маркер процессов экспансии второй половины советского периода, выполнено в духе традиции «дальнего чтения», известной по работам Ф. Моретти.⁸ Суть этого подхода можно свести к двум позициям: источниковая база исследования истории литературного процесса должна включать в себя не

только канонические произведения, но, по возможности, максимальное число памятников литературы исследуемого периода; многочисленные произведения, прочесть которые полноценно в полном объеме невозможно, изучаются с точки зрения тенденций, очевидных при систематическом «неглубоком» чтении (в пределе — статистически, например, при помощи Digital Humanities). Так, Ф. Моретти начинал свою книгу с размышлений о названиях списка из двухсот британских романов, а М. Джокерс исследовал биографические данные авторов восьмисот произведений, созданных американскими писателями ирландского происхождения.⁹ В отличие от романов, изучать тенденции, свойственные географическим стихам, безусловно, проще в силу их объема. Наблюдаемые при таком чтении повторяющиеся особенности литературной репрезентации того или иного места в соединении с метаданными текстов (сведениями о моменте публикации стихотворения, возрасте и месте проживания поэта и т. п.) позволяют производить сопоставления с другими репрезентационными традициями и в конечном счете изучать особенности функционирования самой инфраструктуры, в которой рождались эти произведения.

Функции инфраструктуры репрезентаций

Как и для чего формировалась эта инфраструктура? Работы, посвященные начальной эпохе советского агитпропа, к сожалению, практически не касаются связи его инфраструктуры с ситуацией географической экспансии, в условиях которой она формировалась.¹⁰ Здесь мы вынуждены ограничиться несколькими тезисами.

Во-первых, историческая география репрезентаций пространства восточной части страны связана с возникновением современной транспортной инфраструктуры: так, появление Урала в русской очерковой литературе и, как следствие, в национальном каноне совпадает с возникновением парового пути в регион в 1870-х гг., а за открытием Транссиба последовали известные турне символистов и футуристов по сибирским городам.¹¹ В данном

⁸ См.: Moretti F. *Graphs, maps, trees: Abstract models for literary history*. London; New York, 2005; Jockers M. L. *Macro-analysis: Digital Methods and Literary History*. Champaign, 2013; Moretti F. *Distant Reading*. London, 2013.

⁹ См.: Moretti F. *Graphs, maps, trees...* P. 4; Jockers M. L. *Op. cit.* P. 36–46.

¹⁰ См.: Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017; Lenoe M. *Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution and Soviet Newspapers*. Cambridge, Mass., London, 2004.

¹¹ См.: Абашев В. В. «Дикая красота и сумрачное величие...»: Панорама Урала в путевых очерках Вас. И. Немировича-Данченко // *Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология*. 2015. Вып. 4 (32). С. 67–78; Власова Е. Г. Урал в путевых

случае складывание корпусов региональных репрезентаций само по себе было результатом появления инфраструктуры.

Во-вторых, взятие курса на промышленную экспансию (1928) сопровождалось экспериментами по плановому созданию соответствующей репрезентационной инфраструктуры. В этом смысле были важны и дискуссия по поводу форм репрезентационной работы (ключевыми моментами были декларации «ЛЕФа» конца 1920-х гг., «История фабрик и заводов» М. Горького и Всесоюзное совещание очеркистов, предшествовавшее Первому съезду советских писателей),¹² и практические опыты полевой работы, начавшиеся с попыток создания литературной сети на местах и выражавшиеся в таких происходивших одновременно кампаниях, как организация писательских ударных бригад и призыв рабочих ударников в пролетарскую литературу (1930). К периоду сосуществования двух этих тенденций — одновременной ставки на местные силы и на профессиональные бригады столичных писателей, «окормлявших» советские стройки по всей стране, относится первый расцвет советского географического стихотворения, тесно связанного с другим репрезентационным жанром — очерком. Когда поэт и очеркист А. Белый писал, что «цель нашего очерка заключается между прочим и в том, чтобы научно воспеть картину жизни народов СССР», и «поэма осуществляет новое качество очерка», он выражал распространенное на тот момент мнение.¹³

В-третьих, после того как в 1934 г. литература была собрана в централизованный союз, повестка массовой бустерской пропаганды среди потенциальных рабочих кадров и связанные с ней репрезентационные эффекты, как нам кажется, перестали быть центральными темами агитпропа до начала кампа-

нии по освоению восточных районов СССР (ключевым ее моментом было обращение ЦК КПСС ко всем комсомольским организациям от 19 мая 1956 г.). Порожденный необходимостью добровольного привлечения в районы экспансии рабочих кадров, «поворот к человеку»,¹⁴ совпавший с созданием Союза писателей РСФСР (1958)¹⁵ и расширением сети писательских организаций в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг., был также периодом советского поэтического бума, который отнюдь не ограничивался стенами Большой аудитории Политехнического музея. С точки зрения «дальнего чтения» корпусов географического стихотворения, поэтический бум 1960-х гг. был пространственным феноменом национального масштаба — следствием выхода на поэтическую сцену поколения 1930-х гг., ориентировавшегося в своем творчестве на темы и формы первых пятилеток и принимавшего деятельное участие в создании репрезентационной инфраструктуры расширявшегося на восток советского промышленного проекта.

Географическое стихотворение было одним из вариантов продукции репрезентационной инфраструктуры, реализацией ключевой для нее категории прославления. Жанр этих стихотворений, подчеркнута «модерная» эстетика и язык которых сложились в конце 1920-х — начале 1930-х гг., может быть отнесен к торжественной оде. На это указывают не только элементы их содержания, иногда восходящие прямо к классицистской топике (в наших планах посвятить этому вопросу отдельную статью), но и функция — задача стихов, воспевавших Кустанай, Братск или Ангарск, отнюдь не сводилась к прямому информационному/мобилизационному воздействию на неподготовленную аудиторию. Их главной задачей была репрезентация инфраструктурного проекта, чаще всего подававшегося через место его реализации, в перформативном общественно-политическом контексте. Поэтому такие стихи, превращаясь в визитную карточку той или иной социалистической стройки, а затем и в символ территории, на которой она располагалась, постоянно ротировались в медийной сфере, отнюдь не сводившейся к страницам газет и журналов.

очерках П. И. Мельникова-Печерского и Д. Н. Мамина-Сибиряка: взгляд извне и изнутри // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 1 (21). С. 108–113; Подлубнова Ю. С. Уральские гастроли К. Д. Бальмонта: (по материалам региональной прессы) // Филологический класс. 2017. № 2 (48). С. 75–82; Капинос Е. В., Лоцилов И. Е. Николай Асеев: из публикаций в печати Дальнего Востока (1918–1920) // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 292–322.

¹² См.: Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа. М., 2000; Журавлев С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997; Белый А. Культура краеведческого очерка // Новый мир. 1933. № 3. С. 257–273. См. также посвященный отчетам Всесоюзного совещания очеркистов номер журнала «Наши достижения» (1934. № 5).

¹³ См.: Белый А. Указ. соч. № 3. С. 271, 273.

¹⁴ См.: Калеменева Е. А. «Поворот к человеку» в проектах и практике урбанизации Крайнего Севера СССР в 1950–1960-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2019.

¹⁵ См.: Колобов Е. Ю. Литературная политика КПСС в период хрущевской «Оттепели» и создание Союза писателей РСФСР. 1953–1957 гг. // Вестн. архивиста. 2014. № 2. С. 156–177.

Существовал также «живой» контекст. Встречи с читателями, общественно-политические мероприятия и поэтические праздники, бывшие полем консолидирующей ритуальной риторики прославления трудового подвига, порождали фигуру поэта-ритора, отождествлявшегося со стихотворениями, посвященными тому или иному инфраструктурному проекту. Так, камчатский поэт Евгений Сигарев (1928–2010), профессиональный военный моряк, вошел в национальную литературу неоднократной публикацией стихотворения «На рейде Диксона», которое было напечатано сначала в столичной «Смене» (1963, № 15), а затем в новосибирских «Сибирских огнях» (1965, № 12), оба раза в подборках поэтов, репрезентировавших одновременно и разные места СССР, и коллективные мероприятия, на которых эти поэты были одновременно представлены. Характерной поэтической биографией была биография Владлена Белкина (1931–1920), рабочего на строительстве Красноярской ГЭС, который дебютировал в журналах публикацией стихотворений о Дивногорске и отождествлялся с этой темой не менее десятилетия.¹⁶

Таким образом, подлинное значение географического стихотворения заключалось в публичной перформативной репрезентации. В этом смысле в числе прочих форм коллективных актов советской консолидирующей риторики интересен такой феномен, как литературные праздники. Период оттепельного поэтического бума ознаменовался, например, взлетом и падением такого движения, как День поэзии.

Первый День поэзии, в ходе которого около ста поэтов выступали в книжных магазинах перед читателями и продавали свои книги, состоялся в Москве 11 сентября 1955 г. В 1959 г. московский День поэзии завершился концертом в Центральном доме литераторов, который транслировался по телевидению, а также поэтическими чтениями в Большой аудитории Политехнического музея. Пиком массовости праздника, по всей вероятности, стал девятый День поэзии 22 декабря 1963 г., когда он проводился в 17 домах культуры и клубах столицы. Следствием московских праздников стало распространение этой практики по всей стране. Дни поэзии начали проводиться в других городах: в ноябре 1955 г. в Казани, в декабре —

в Кишиневе и Новосибирске и т. д. Сборники, подобные столичному «Дню Поэзии», издававшемуся по итогам праздников, начали издаваться в этот период в следующих городах СССР: в Душанбе (1957, 1962), Курске (1959), Ленинграде (1961–1989), Свердловске (1962), Ярославле (1963), Кемерово (1964, также 1970), Воронеже (1964), Ростове-на-Дону (1964, 1966), Симферополе (1964, 1965), Алма-Ате (1965–1969), Новосибирске (1965–1970) и др. Поскольку издание сборников было посылно не для всех центров, этот список отражает массовость движения не в полной мере. Стихи, читавшиеся на этих праздниках, отражали все разнообразие официальной поэтической палитры и не могут быть сведены исключительно к темам географии и промышленности. Однако на уровне названий сборников («День Уральской поэзии», Свердловск, 1962, и т. п.) практика Дней поэзии служила целям географической репрезентации культурной инфраструктуры, строившейся, чтобы обслуживать инфраструктуру промышленную. Топоним был принципиально важен. Так, тюменский аналог Дня поэзии 1963–1965 гг., репрезентировавший растущую промышленность нефтяной провинции, назывался «Неделя тюменской поэзии».¹⁷

К концу 1960-х гг. формат вышел из моды. Статья «Литературной газеты» о празднике 1969 г. называлась «День Поэзии: радости и огорчения» — подобный заголовок в контексте советской печати означал эпитафию. «Нам кажется, пришло время подумать о расширении этой формы общения поэта с читателем, — писал автор и приводил слова поэта Виктора Бокова. — “А почему бы не устраивать выездной день московских поэтов в самых далеких уголках нашей страны?”»¹⁸ Эта мысль была услышана. Хотя сборники с названием «День Поэзии», обретая все большую и большую периферийность, продолжали выходить до конца советской эпохи, в брежневском формате литературные праздники назывались иначе. Первая половина 1970-х гг. стала временем Дней советской литературы, проводив-

¹⁶ См.: Белкин В. Дивногорск. Дорога в Дивногорию // Енисей. 1963. № 2. С. 50, 51; Дивногорск // Юность. 1963. № 6. С. 2; Дивногория: стихи. Красноярск, 1971.

¹⁷ См.: Ковалев Д. Поэты Тюмени // Литературная Россия. 1963. 27 дек. № 52. С. 14. Автор «Литературной России», приехавший летом 1964 г. в Тюмень, чтобы встретиться с членами вновь созданной ячейки Союза писателей, за два месяца не смог встретиться в областном центре ни с кем, кроме технического секретаря отделения: все постоянно были в командировках. См.: Лысцов И. И песня, как осень, в Сибири ярка // Литературная Россия. 1964. 30 окт. № 44. С. 10.

¹⁸ По материалам репортажей в «Литературной газете»: 1955. № 109; 1956. № 112; 1963. № 143; 1963. № 153; 1969. № 52, — а также по данным каталогов РГБ и РНБ.

шихся Союзом писателей по всей стране и, очевидно, ориентированных на периферию, как национальную, так и промышленную. Дни советской литературы возродили к жизни такой инструмент репрезентационных кампаний первых пятилеток, как писательские бригады. Поиск по содержанию «Правды», «Известий» и «Литературной газеты» в базах данных Eastview.com свидетельствует, что выражение «писательская бригада» за период 1920–1991 гг. имело два выраженных пика популярности употребления — 1930–1934 и 1970–1977 гг.

*Историческая география
инфраструктуры репрезентаций
на Урале и в Западной Сибири*

Репрезентационная инфраструктура советской литературы, сложившаяся к позднесоветскому периоду на территории между Камой и Иртышом, не была гомогенной. В 1934–1935 гг. в ходе длительной и драматичной истории раннесоветского литературного строительства Урал, как важнейший район инфраструктурной экспансии первых пятилеток, получил сеть из трех областных литературных организаций. Так сложился первый уровень инфраструктуры, одним из центров которой стал Свердловск.

Исследование корпуса из 19 известных автору географических стихотворений 18 профессиональных поэтов советского времени (1919–1973), в заглавиях которых упоминается Екатеринбург или Свердловск, свидетельствует, что поворотным моментом в истории поэтических репрезентаций города стало стихотворение Владимира Маяковского «Екатеринбург — Свердловск» (1928). Посетив город в качестве апостола советской литературы, Маяковский позиционировал его как новый промышленный центр, что, кроме прочего, означало его превращение в узловой центр репрезентационной инфраструктуры.

В корпусе стихотворных репрезентаций Свердловска лишь семь иногородних поэтов — в основном на протяжении советской эпохи город создавал свои репрезентации посредством живущих в нем авторов. В 1930-е гг. их состав был динамичен: поработав над образом Свердловска, такие авторы, как Константин Тюляпин (1910–1985: «Свердловск», 1930), Георгий Троицкий (1910–1943: «Екатеринбург», 1933)¹⁹

¹⁹ Как отметил один из рецензентов нашей работы, отъезд Г. А. Троицкого из Свердловска во второй половине 1930-х гг.

или Ксения Некрасова (1912–1958: «Свердловск», 1937–1943), могли уехать. В позднесоветский же период в Свердловске работала «оседлая» команда литераторов, состав которой почти не менялся до конца советского периода.

Другие корпуса, зачастую совсем небольшие, демонстрируют, что областной центр инфраструктуры систематически организовывал практики репрезентации подведомственной территории. Это касалось не только промышленности как таковой. Так, например, расположенный поблизости от областного центра обелиск на границе частей света был в течение одного только десятилетия воспет как минимум четыре раза, как местными, так и иногородними авторами, посещавшими достопримечательность в составе делегаций.²⁰ В тот же период в результате той же координационной деятельности центра инфраструктуры, получили стихотворные репрезентации в национальной прессе даже такие относительно малозначимые с точки зрения иерархии уральской промышленной сети пункты, как Камышлов²¹ или Юшала.²²

В ходе экспансии 1950–1960-х гг. Свердловская, а с ней и Пермская и Челябинская писательские организации, так же как свердловские коллеги, в штатном режиме репрезентировали подведомственные территории, выступили в качестве патронов новых писательских организаций, открывшихся в Тюмени (1963) и Кургане (1965). Ключевым пунктом нарратива о рождении курганского отделения является история о том, что для его открытия (устав организации требовал проживания в городе не менее пяти членов Союза писателей) курганцам пришлось переселиться из Челябинска

был вынужденным и не продлился долго. Тем не менее его одиссея, как нам кажется, вполне укладывается в паттерны повышенной мобильности довоенной советской журналистики. См.: Голдин В. Забытые поэзия и литераторы Урала. Екатеринбург, 2007. С. 158–160.

²⁰ Вячеслав Кузнецов (1932–2004, Ленинград: «У столба “Европа—Азия”», 1970); Борис Шаринский (?), Ленинград: «Прошел вдоль опушки...», 1971); Лев Сорокин (1928–1991, Свердловск: «На границе», 1978). К репрезентациям столба как такового добавим репрезентации границы, составленные по впечатлениям от таких же мероприятий. См.: Степан Щипачев (1898–1980, Москва, уроженец Богдановичского района: «У границы Европы и Азии», 1970), Герман Иванов (1940–2019, Свердловск: «На границе “Европа—Азия”», 1980).

²¹ Степан Щипачев (1898–1980, Москва: «Камышлов», 1967); Оскар Хавкин (1912–1993, Москва: «Камышлов», 1974).

²² Владимир Дагуров (1940–2018, Москва: «Эх, прощай, цивилизация...»). См. стихи первой строфы: «Ждет нас маленькая станция / Под названьем Юшала...», 1965.

поэта Якова Вохменцева (1913–1979).²³ Административно-репрезентационная логика, характерная для этого этапа экспансии, поставила перед новыми организациями задачу пропагандистского «брендинга» области. К середине 1960-х гг. и курганцы, и тюменцы справились с этой задачей: Тюменская область превратилась в поэтическую Тюменщину или Тюмению, Курганская область стала Зауральем.²⁴

В 1950–1970-х гг. староосвоенный Урал, в отличие от Сибири, не был территорией всесоюзных репрезентационных кампаний. В случае необходимости областная репрезентационная инфраструктура справлялась самостоятельно. Так, лишь один из семи поэтов, стихотворения которых составили известный нам корпус из семи стихотворений и стихотворных циклов (1959–1984), появившихся на свет в процессе репрезентационного обеспечения строительства (1957–1962) и работы Качканарского горно-обогатительного комбината, не был свердловчанином. Пик поэтической популярности Качканара пришелся на период открытия комбината.²⁵ В 1980-х гг. сотрудники журнала «Урал» попробовали повторить опыт такой кампании, но попытка не удалась.²⁶

Значительно большие репрезентационные силы были задействованы на стройках Запад-

ной Сибири. Пик репрезентационного строительства на Тюменщине пришелся на первую половину 1970-х гг. Оно осуществлялось силами Свердловской писательской организации, москвичами (шефство журналов над стройками, писательские десанты) и, наконец, тюменцами, хотя последним понадобилось время для того, чтобы войти в корпуса исследуемых здесь стихов. Так, среди 19 авторов сургутского корпуса (23 стихотворения, в заглавиях которых упоминается Сургут, 1963–1981) — два свердловчанина, по меньшей мере семь москвичей и три тюменца.²⁷ Корпус свидетельствует о том, что публиковавшиеся в литературных журналах стихи позднесоветской эпохи, имевшие в своем заглавии слово «Сургут», никогда не были посвящены городу Сургуту как таковому и репрезентировали главным образом строительство железной дороги Тюмень–Сургут (1966–1975), важнейшего инфраструктурного проекта освоения нефтегазового Севера.

Завершая эту часть работы, нужно заметить, что и систематическое «обслуживание» давно сложившейся инфраструктуры (случай Среднего Урала), и форсированные репрезентационные кампании (случай Западной Сибири) дополнялись инфраструктурными эффектами, не сводившимися ни к прямой мобилизации, ни к перформативной репрезентации как таковой. Именно поэтому, говоря о репрезентационной инфраструктуре, не хотелось бы сводить ее исключительно к агитационной составляющей. Патриотический проект поэта Степана Щипачева, уроженца деревни Щипачи Богдановичского района, который

²³ См.: Управление Культуры Курганской области. URL: <http://www.kultura.kurganobl.ru/3546.html> (дата обращения: 15.06.2021).

²⁴ Тюменский случай перенесения городского топонима на пространства северной нефтяной провинции рассмотрен в статье: Корандей Ф. С. Поэтический каркас освоения: «дальнее чтение» северной экспансии советской литературы, 1957–1991 // Новое литературное обозрение. 2021. № 4. В печати. Хотя топоним «Зауралье» вошел в употребление уже в 1930-е гг., частью поэтического лексикона он стал на два десятилетия позже, в период создания Курганской писательской организации, прежде всего благодаря усилиям связанных с городом литераторов, которые вслед за газетчиками использовали его в качестве устойчивого клише, обозначавшего Курганскую область. См.: Николай Агеев (1926–?, Москва, уроженец Кургана, член правления СП СССР: «Я тебя в Зауралье зову», 1959); Степан Щипачев («В простор Зауральского края», 1963); Илья Авраменко (1907–1973, Ленинград: «За синим Зауральем степная полоса...», «Степное и лесное Зауралье!..», 1962); Антонина Баева (1928–1999, Курган, в 1965 г. уезжает из города; «Весна в Зауралье», 1962); Алексей Пляхин (1918–2006, Курган: «Зауралье мое», 1956; «Зауралье мое» 1960 (книга стихов); «Весенней дымкой Зауралье», 1969).

²⁵ Давид Лившиц (1928–2012, Свердловск: «Песня о Качканаре», или «Песня первых строителей Качканара», 1959), Леонид Шкавро (1920–1994, Свердловск: «Качканар», 1959), Борис Марьев (1934–1977, Свердловск: «Качканар», 1960), Николай Мережников (1929–2010, Свердловск: «Свет Качканара», 1961), Лев Сорокин (1928–1991, Свердловск: «Стихи о Качканаре», 1963), Николай Евстифеев (1914–1980, Ленинград: «Качканар», 1963), Венедикт Станцев (1922–2009, Свердловск: «Город, солнцем напоенный: качканарские этюды», 1984).

²⁶ См.: Лукьянин В. Дружили журнал и город // Урал. 2007. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2007/5/druzili-zhurnal-i-gorod.html> (дата обращения: 16.06.2021).

²⁷ Виктор Козлов (1937–2017, «Сургут», 1963), Леонид Шкавро (1920–1994, Свердловск: «Из сургутского далека», 1967; «В Сургуте», дата неизвестна), Виталий Петров (1940–2017: «Тюмень–Сургут», 1970), Николай Кутов (1917–1998, Ленинград: «Летят к Сургуту облака», 1971), Виктор Боков (1914–2009, Москва: «Сургут», 1972), Марк Лисянский (1913–1993, Москва: «По земле сургутской», «Тюмень–Сургут», 1972), Владимир Павлинов (1933–1985, Москва: «Дорога Тюмень–Сургут с высоты птичьего полета», 1972), Борис Марьев (1934–1977, Свердловск: «Рассвет в Сургуте», 1972), Владимир Павлов (? , «Сургут», 1972), Александр Бобров (род. 1944, Москва: «Письмо из Сургута: из тюменского блокнота», 1975), Николай Перевалов (1918–1984, Новосибирск: «Из сургутской тетради», 1973), Леонид Латынин (род. 1938, Москва: «Разговор о Сургуте», 1973), Николай Разумов (1946–1982, Омск: «Рябина в Сургуте», 1974), Евгений Антошкин (1937–2011, Москва: «Строителям железной дороги Тюмень–Сургут», 1975), Юрий Панкратов (1935–2013, Москва: «Дорога на Сургут», 1975), Анатолий Кукарский (1934–1978, Тюмень: «В Сургуте», «Сургут», 1978), Николай Денисов (1943–2016, Тюмень: «В Сургуте мороз», 1978), Александр Гришин (1948–1998, Тюмень: «Колыбельная в поезде “Тюмень–Сургут”», 1979), Николай Репин (даты жизни не установлены, «Сургут–Волга», 1981).

на протяжении 1960-х — начала 1970-х гг. публиковал стихи о своей малой родине,²⁸ был отражением важнейшей тенденции позднесоветской поэзии, представители которой получили возможность включить в свой пропагандистский репертуар интимную тему малой родины во многом благодаря именно строительству официальной репрезентационной инфраструктуры, созданной для того, чтобы мобилизовать кадры и воспевать дела советской власти.

Системные эффекты инфраструктуры репрезентаций

В завершение — несколько слов о системных эффектах, которые открываются при изучении позднесоветской репрезентационной инфраструктуры.

Во-первых, несмотря на романтический пафос экспансии, призывавшей бросить все и ехать на край света, узлами этой сети были города: корпуса стихотворных топонимов 1950–1970-х гг. описывают страну победившей урбанизации. Безусловно, возможно составить корпуса позднесоветских стихотворений о реках или горах,²⁹ но города и поселки останутся самым массовым объектом репрезентации. Да, эта поэтическая урбанизация репрезентировала в основном не город сам по себе, но прежде всего связанную с ним промышленность. Стандартные схемы репрезентации сводили к соответствующей промышленности целые регионы. Согласно маршрутам литературных бригад, путешествовавших по Тюменской области в ходе поэтических праздников начала 1970-х гг., область делилась на несколько промышленных регионов — например, «Нефть», «Газ», «Хлеб», «Лес», «Дорога», «Геолог» и «Рыбный».³⁰ От-

метим тезис К. Д. Бугрова, установившего, что области промышленной специализации Урала в советский период обладали дискурсивной иерархией, на вершине которой располагалась тяжелая промышленность, а в самом низу, например, лесопромышленность.³¹

Во-вторых, сам факт создания и поддержания репрезентационной инфраструктуры, базировавшейся прежде всего в городах, свидетельствует о том, что это время было временем существенного прогресса культурной сферы, развивавшейся, разумеется, в рамках конвенционального позднесоветского дискурса стремления к городской «нормальности». Официальные советские поэты, достигавшие в этот период даже небольших городков и поселков, выступали миссионерами бустерского проекта советской власти, обозначая в числе других маркеров «нормальности» стандарт культурной городской жизни.³² Именно в рамках дискурса «нормальности» развивались феномены, которые обычно трактуются как ростки «настоящей» городской субъективности современного типа — формирование дискурса защиты памятников или охраны природы.

В-третьих, после 1991 г. репрезентационная инфраструктура, брошенная центром и лишившаяся устойчивых связей между центрами среднего уровня, продолжала и продолжает продуцировать эффекты, подобные тем, которые продуцируют типы «настоящей» инфраструктуры, оказавшиеся в сходных условиях.³³ Это вопрос для отдельной статьи. В условиях постсоветского разрушения промышленной инфраструктуры бывшие узлы советской культурной сферы зачастую оказывались безальтернативными местами сборки, поддерживавшими на плаву местные сообщества.

Fedor S. Korandej

Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: f.s.korandej@utmn.ru

²⁸ См.: Щипачев С. Серебряная Елань: Лирические стихи об Урале. Свердловск, 1967.

²⁹ Корпус стихотворений, упоминающих в заглавии реку Ишим (1958–1970), включает в себя стихи восьми поэтов, описывавших эту реку исключительно в контексте освоения целины. См. также: Урал-река: поэтическая антология. Челябинск, 1985; Легенды и были Таганая. Златоуст, 2005.

³⁰ ГАСПИТО. Ф. 3999. Оп. 1. Д. 47. Л. 28, 29, 30, 33, 34, 39, 51–51об.

³¹ Цит.: Бугров К. Д. Дискриминируемые идентичности и геоэкономическая неоднородность «горнозаводской цивилизации» Большого Урала // Всерос. конф. «Образы индустриального Урала». УрФУ, 16 апреля 2021 г.

³² См.: Fürst J. Where Did All the Normal People Go?: Another Look at the Soviet 1970s // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2013. Vol. 14, no. 3. P. 621–640.

³³ См.: Поворознюк О. А. (Пост)советская инфраструктура: политика идентичности и эмоций на БАМе // Сибирские исторические исследования. 2020. № 3. С. 32–47.

REPRESENTATION INFRASTRUCTURE OF THE LATE SOVIET BOOSTERISM: URALS AND WESTERN SIBERIA

The article, based on the corpus of Soviet geographical poetry dedicated to the Urals and Western Siberia, examines the infrastructure set up to represent industrial projects. The adopted approach to studying geographical images of the Soviet industrial expansion of the 1950–1970s relies on the ideas of the “infrastructural turn” in the social sciences and uses as a research tool the methodology of “distant reading”. The author argues that the goals of the late Soviet representational project cannot be reduced to direct propaganda or mobilization. It was formed as a local version of modern boosterism — an expansionist ideology characteristic of the situation of forced creation of new territorialities and aimed at the formation of patriotic identities in new settlement centers. The Late Soviet geographical poetry was the product of this Soviet representational infrastructure, and the quintessence of its ideology, functioning within the framework of consolidating rhetoric, and giving rise to the figure of the poet, who was identified with poems dedicated to a certain infrastructure project. The Soviet boosterism implied placing the representations of industrial projects in a situational administrative-social context, while simultaneously producing indirect infrastructural effects that were crucial for the formation of urban “normality”, subjectivity and identity. The article outlines the main stages of the formation of the Soviet representational infrastructure, standard forms of its functioning in the late Soviet period; it describes historical geography of this network in the Urals and Western Siberia, which assumed different forms of dealing with the projects for representation of which it was created.

Keywords: eastern regions development, poetics of infrastructure, representation of space, boosterism, Soviet geographical poetry

REFERENCES

- Abashev V. V. [“Savage beauty and tenebrous grandeur...” A panorama of the Urals in Vasily I. Nemirovich-Danchenko’s travel writings]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2015, iss. 4 (32), pp. 67–78. (in Russ.).
- Ageev A. D. *Sibir’ i amerikanskiy Zapad: dvizheniye frontirov* [Siberia and the American West: the frontier movement]. Moscow: Aspect-Press Publ., 2005. (in Russ.).
- Belyy A. [Culture of local history essay]. *Novyy mir* [New World], 1933, no. 3, pp. 257–273. (in Russ.).
- Brandenberger D. *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshcheniye i terror v SSSR, 1927–1941* [Propaganda State in Crisis: Soviet Ideology, Indoctrination, and Terror under Stalin, 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017. (in Russ.).
- Collier S. J. *Post-Soviet Social. Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2011. (in English).
- Cronon W. *Nature’s Metropolis: Chicago and the Great West*. New York: W. W. Norton, 1991. (in English).
- Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal Colonization: Russia’s Imperial Experience]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2013. (in Russ.).
- Fürst J. Where Did All the Normal People Go?: Another Look at the Soviet 1970s. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2013, vol. 14, no. 3, pp. 621–640. DOI: 10.1353/kri.2013.0037 (in English).
- Goldin V. *Zabytyye poeziya i literaturnyye Urala* [Forgotten poetry and writers of the Urals]. Ekaterinburg: B. i., 2007. (in Russ.).
- Hamer D. *New Towns in the New World: Images and Perceptions of the Nineteenth-Century Urban Frontier*. New York: Columbia University Press, 1990. (in English).
- Jockers M. L. *Macroanalysis: Digital Methods and Literary History*. Champaign: University of Illinois Press, 2013. (in English).
- Kalmeneva E. A. “Povorot k cheloveku” v proyektakh i praktike urbanizatsii Kraynego Severa SSSR v 1950–1960-ye gg.: kand. diss. [“Turn to a man” in projects and practice of urbanization of the USSR Far North in the 1950–1960s: Diss. Cand.]. Moscow: VShE, 2019. (in Russ.).
- Kapinos E. V., Loshchilov I. E. [Nikolay Aseev: From Publications in Print Media of the Far East (1918–1920)]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2020, no. 1, pp. 292–322. DOI: 10.25205/2307-1737-2020-1-292-322 (in Russ.).

Khromykh A. S. *Russkaya kolonizatsiya Sibiri posledney treti XVI — pervoy chetverti XVII veka v svete teorii frontira: avtoref. kand. diss.* [Russian colonization of Siberia in the last third of the 16th — first quarter of the 17th century in the light of the frontier theory: Abst. Diss. Cand.]. Tomsk, 2008. (in Russ.).

Kolobov E. U. [Literary policy of the CPSU during the Khrushchev's Thaw and the creation of the Union of Writers of the Russian Federation. 1953–1957]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], 2014, no. 2, pp. 156–177. (in Russ.).

Larkin B. The politics and poetics of infrastructure. *Annual Review of Anthropology*, 2013, vol. 42, pp. 327–343. DOI: 10.1146/annurev-anthro-092412-155522 (in English).

Lefebvre A. *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space]. Moscow: Strelka Press, 2015. (in Russ.).

Lenoe M. *Closer to the Masses: Stalinist Culture, Social Revolution and Soviet Newspapers*. Cambridge, Mass., London: Harvard University Press, Russian Research Center Studies, 2004. (in English).

Literatura fakta: Pervyy sbornik materialov rabotnikov LEFa [Literature of Fact: The first collection of materials from LEF employees]. Moscow: Zakharov Publ., 2000. (in Russ.).

Meinig D. *The Shaping of America: A Geographical Perspective on 500 Years of History*. New Haven: Yale University Press, 1998, vol. 3: Transcontinental America, 1850–1915. (in English).

Moretti F. *Distant Reading*. London: Verso, 2013. (in English).

Moretti F. *Graphs, maps, trees: Abstract Models for Literary History*. London, New York: Verso, 2005. (in English).

Poberezhnikov I. V. [Frontier modernization in the east of the Russian Empire: regional variations]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 4 (61), pp. 72–80. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80 (in Russ.).

Podlubnova Yu. S. [The Urals tour of K. D. Balmont (on the materials of regional newspapers)]. *Filologicheskiy klass* [Philological class], 2017, no. 2 (48), pp. 75–82. (in Russ.).

Povoroznyuk O. A. [(Post)Soviet infrastructure: Politics of identity and emotions on the BAM]. *Sibirskiy istoricheskiy issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2020, no. 3, pp. 32–47. DOI: 10.17223/2312461X/29/3 (in Russ.).

Rezun D. Ya. [On some aspects of understanding the significance of the frontier of Siberia and America in modern Russian historiography]. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshcheye i osobennoye* [Frontier in the history of Siberia and North America in the 17th–20th centuries: general and special]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta diskretnoy matematiki i informatiki Publ., 2001, iss. 1, pp. 29–54. (in Russ.).

Tam, vnuti: praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii [There, inside: the practice of internal colonization in Russia's cultural history]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012. (in Russ.).

The Promise of Infrastructure. Durham, London: Duke University Press, 2018. (in English).

Vlasova E. G. [Ural in travel essays by P. I. Melnikov-Pechersky and D. N. Mamin-Sibiryak: a view from inside and outside]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2013, iss. 1 (21), pp. 108–113. (in Russ.).

Walker R. H. *The Poet and the Gilded Age: Social Themes in Late Nineteenth-Century American Verse*. University of Pennsylvania Press, 1963. (in English).

Ward S. W. *Selling Places: The marketing and promotion of towns and cities, 1850–2000*. London: E. & F. N. Spon, 1998. (in English).

Zamyatina N. Yu. [Settlement zone (frontier) and its image in American and Russian cultures]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 1998, no. 5, pp. 75–89. (in Russ.).

Zamyatina N. Yu., Pilyasov A. N. [The new theory of the Arctic and Northern development: multi-scale interdisciplinary synthesis]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 5–27. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.5 (in Russ.).

Zhuravlev S. V. *Fenomen "Istorii fabrik i zavodov": gor'kovskoye nachinaniye v kontekste epokhi 1930-kh godov* [Phenomenon of "History of Factories and Plants": Gorky's initiative in the context of the 1930s era]. Moscow: Institut Rossiyskoy Istorii RAN Publ., 1997. (in Russ.).